

2) «Sun», новый радикальный еженедельник с заметкой о конгрессе, которой вы обязаны тоже влиянию Тусси. Посмотрим, нельзя ли будет использовать эту газету в дальнейшем, но влияние со стороны «Star» может нам повредить.

В «Justice», которую я Вам пришлю, как только получу газету, Гайндман испускает торжествующий клич²⁰⁷, воображая, что, закрыв нам доступ в «Star», он тем самым лишил нас всякой возможности выступить в печати в Лондоне. Он заявляет, что Вы приятный и достойный уважения человек, но выставили себя в смешном виде, так же как и Бебель, Либкнехт и Бернштейн; он надеется, что мы прекратим наконец наши бессильные происки и т. д.

Видели ли Вы номер «Proletariat» (или «Parti ouvrier»?), в котором POSSИБИЛИСТЫ заявляют, что они уверены в датчанах²⁰⁸? Бернштейн написал в Германию, чтобы разузнать, в чем дело.

Рошфор, едва отряхнув со своих ног прах парижских бульваров, всячески старается выставить себя в смешном виде — в Женеве ссорой со старым Беккером, а здесь тем, что выхватил на Риджент-стрит револьвер в ответ на пощечину. Дело будет разбираться сегодня в полицейском суде²⁰⁹. Я пришлю Вам газету с отчетом.

Преданный Вам

Ф. Э.

*Впервые опубликовано на русском языке
в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса,
1 изд., т. XXVIII, 1940 г.*

Печатается по рукописи

Перевод с французского

107

КАРЛУ КАУТСКОМУ

В ВЕНУ

Лондон, 21 мая 1889 г.

Дорогой Каутский!

Наконец-то нашлось несколько минут, чтобы написать тебе. Проклятый конгресс и все, что с ним связано, уже три месяца поглощали все мое время, сплошная писанина, беготня, дьявольская возня, а в результате — ничего, кроме неприятностей и скандалов. Бравые немцы возомнили в Санкт-Галлене¹⁸⁶ и с той поры так и считают, что стоит им только созвать конгресс —

и он уж тут как тут: *jehi or, vajehi or*¹⁷⁰ (пусть Адлер объяснит тебе это). Они вообразили, что с тех пор, как *они* уладили свои внутренние распри, во всем социалистическом мире царят любовь и дружба, мир и согласие, и не имели ни малейшего понятия о том, что созыв конгресса означает или подчинение союзу Брусса — Гайндмана или же борьбу с ним. Несмотря на то что сейчас у них накопился уже достаточный опыт, им это, очевидно, не совсем еще ясно; они витают в мечтах об объединении *обоих* конгрессов, как только последние будут созданы, и при этом отказываются от единственного средства борьбы, которое позволило бы справиться с противником, а именно — показать когти Бруссу — Гайндману. Кто хоть немного знает этих людей, тому совершенно ясно, что они подчиняются только силе и рассматривают каждую уступку как признак слабости. Вместо этого Либкнехт требует, чтобы их щадили, не только обращались с чрезмерной предупредительностью, но даже чуть ли не носили на руках. Либкнехт испортил все дело. Гагская конференция, которую Гайндман здесь назвал *saucus*¹⁷⁰, потому что *его* не пригласили (это уже само по себе глупость), могла бы приобрести значение, стать чем-то иным, нежели *saucus*, только в том случае, если бы после неявки POSSIBИЛИСТОВ позаботились о получении подписей других: австрийцев, скандинавов и т. д. Это повлияло бы и на бельгийцев. Но ничего этого не было сделано, как и вообще ничего не было сделано. Конференция в Гааге, положившая хорошее начало, оказалась также и *концом* всего дела. И вот бельгийцы после отказа POSSIBИЛИСТОВ затягивают дело, не дают никакого ответа и наконец заявляют, что хотят предоставить решение *своему* съезду 21 апреля¹⁷⁵. Вместо того чтобы послать туда кого-нибудь, кто заставил бы бельгийцев ответить сейчас же: да или нет — и затем согласно этому направил бы действия остальных, — дело это бросили на произвол судьбы. Либкнехт произносит торжественные речи в Швейцарии¹⁷¹, а когда мы здесь, в решающий для здешних условий момент, беремся за дело, он начинает ругаться и говорит, что мы нарушили решение держать в тайне гагские резолюции (*после* отказа POSSIBИЛИСТОВ это было нелепостью, к тому же нам это решение было *неизвестно*); мы будто бы расстроили его план перетянуть (!) POSSIBИЛИСТОВ на нашу сторону через голову Брусса и других и так далее. Когда же англичане, которых мы растормошили, — недовольные элементы тред-юнионов¹⁷², — стали запрашивать Бельгию, Голландию, Германию, Данию, как обстоит дело

¹⁷⁰ — да будет свет, и стал свет (Библия. Первая книга Моисеева, гл. I, стих 3). *Ред.*

с *нашим* конгрессом, они получили лишь маловразумительные, неопределенные ответы и, естественно, присоединились к тем людям, которые знали, чего хотят, — к POSSИБИЛИСТАМ. Так месяцами медлили и колебались, в то время как POSSИБИЛИСТЫ наводняли весь свет своими циркулярами, пока, наконец, в самом немецком лагере люди не потеряли терпения и не потребовали присутствия на POSSИБИЛИСТСКОМ конгрессе¹⁸². Это возымело действие, и через 24 часа после того, как мы здесь сказали французам, что они, в силу резолюций бельгийского съезда, вправе поступить, как хотят, и могут тоже созвать свой конгресс 14 июля, — через 24 часа после этого подоспел и Либкнехт с этим планом, против которого до сих пор он вел такую яростную борьбу*. Ему нужно непременно сначала основательно сесть в лужу, прежде чем он будет в состоянии принять смелое решение.

Но сейчас мы многое уже упустили. *Здесь* сражение по всей линии проиграно, потому что в решительный момент нас подвели. Те, кто нам сочувствует, должны были поздравить себя с тем, что были избраны — на *другой*, POSSИБИЛИСТСКИЙ конгресс. В Бельгии, благодаря брюссельским интриганам, POSSИБИЛИСТЫ фактически победили. Ансель, который вообще был вполне приемлем, не хочет, очевидно, доводить дело до разрыва с брюссельцами. Даже датчане, видимо, колеблются, а за ними шведы и норвежцы, которые, хотя еще и не имеют большого значения, но все же представляют две нации. Просто из себя выходишь, когда видишь, как Либкнехт совершенно скомпрометировал, а быть может, отчасти и погубил великолепную позицию немцев в международном рабочем движении.

Тесный союз с австрийцами, американцы, в известной мере только филиал немецкой партии, датчане, шведы, норвежцы, швейцарцы, так сказать, питомцы немцев; голландцы — надежное связующее звено для запада; вдобавок повсюду немецкие колонии, не примкнувшие к POSSИБИЛИСТАМ французы, почти прямо зависящие от этого немецкого союза; славянские колонии и эмигранты на западе, точно так же тяготеющие к немцам, с тех пор как оскандалился анархизм. Что за великолепная позиция! И все это пошатнулось из-за иллюзии Либкнехта, который думает, что стоит ему только раскрыть рот, как вся Европа заплещет под его дудку, а если он не затрубит поход, то и враг ничего не предпримет. Вследствие же понятного, но достойного сожаления незнакомства Бебеля с заграничными делами у Либкнехта были в достаточной мере развязаны

* См. настоящий том, стр. 159—160. *Ред.*

руки. Если дело примет дурной оборот, то виноват будет он, так как он бездействовал (если не считать интриг) и не выступил публично в тот самый момент, когда последовал отказ POSSИБИЛИСТОВ, то есть с начала марта и вплоть до окончания бельгийского съезда — 22 апреля.

Думаю, впрочем, что все еще уладится, если все дружно возьмется за дело. Если удастся уговорить датчан, то дело выиграно, но на них можно повлиять только из Германии, то есть через Либкнехта. Но это безобразие, что дело вообще дошло до такого сомнительного положения, в то время как решительные действия в марте и начале апреля должны были привлечь на нашу сторону всю Европу. POSSИБИЛИСТЫ действовали, в то время как Либкнехт не только сам ничего не делал, но и не давал возможности действовать другим: ведь французы не смели пошевелиться, не смели ни принимать какие-либо решения, ни выпустить хоть один циркуляр, ни созвать какой-либо конгресс, пока Либкнехт, наконец, не заметил, что Брюссельцы полтора месяца водили его за нос и что активность POSSИБИЛИСТОВ в противовес его собственной полной бездеятельности привела к тому, что им удалось переманить на свою сторону его собственных немцев. Вдобавок еще история с мерзавцем Шлезингером¹⁷⁷. Он, Либкнехт, взывает к чувству: малейшая попытка выступить публично может-де его совершенно разорить, заставить сделать 6000 марок долгу, принудить его эмигрировать в Америку. При этих обстоятельствах я хочу подождать — таково, по крайней мере, мое намерение в данный момент, — пока эта вещь появится целиком, а затем решить, что нужно будет предпринять. Но эта история для него — просто позор, и если он воображает, что может так легко отделаться от того факта, что на этом свинстве стоит его имя, то он жестоко ошибается. Пришли мне, пожалуйста, следующие выпуски. Нахальство и заносчивость этого олуха* могут сравниться только с его полным невежеством. Ты совершенно прав: если бы на издании не стояло имени Либкнехта, все это было бы просто смешно.

Как поживает Луиза? Все так же усердно занимается вопросами размножения человеческого рода? ** Надеюсь, что она весела и здорова и благополучно сдала последние экзамены. Передай ей сердечный привет от Ним и от меня, теперь-то она, вероятно, сможет немного отдохнуть.

Мне пришлось отказаться от куренья, потому что оно скверно отражается на нервах и в особенности на сердце, которое

* — Шлезингера *Ред.*

** Луиза Каутская занималась на курсах акушерства. *Ред.*

в остальных отношениях в полном порядке. Употребление напитков также пришлось сильно ограничить, так как при теперешнем расстройстве нервов это действует сильнее обычного. Принимаю сульфонал как снотворное, много бываю на воздухе — в Хемпстеде и Хайгете. На это тоже уходит время. Скорей бы уж прошел этот проклятый конгресс, чтобы не нужно было рыться в такой груде газет. У меня ни на что не остается времени, — если в конце концов я добираться до разумной книги, то глаза уже настолько утомлены, что приходится заниматься другим. Врач говорит, что совершенно излечить глаза мне никогда не удастся, но нет ничего серьезного, только постоянное неудобство, то есть ограниченное время для чтения и письма.

Тусси пишет теперь на пишущей машинке.

Сердечный привет от Ним и твоего

Ф. Э.

*Впервые опубликовано в книге
«Aus der Frühzeit des Marxismus.
Engels Briefwechsel mit Kautsky».
Prag 1935*

*Печатается по рукописи
Перевод с немецкого*

108

А. Ф. РОБИНСОНУ
В ЛОНДОНЕ

Лондон, 21 мая 1889 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

М-ру А. Ф. Робинсону 47,
Little George St. Hampstead Rd.

Милостивый государь!

Так как мне сообщили, что Вы в настоящее время получили хорошее место и вполне можете постепенно выплатить 25 шиллингов, которые я Вам одолжил, а сосед Ваш, м-р Лар, сейчас без работы, я просил бы Вас выплатить ему вышеуказанную сумму еженедельными взносами в приемлемых для Вас размерах, о которых вы можете договориться между собой. Расписки м-ра и миссис Лар в получении этих денег будут иметь ту же силу, что и мои собственные.

Уважающий Вас

Ф. Энгельс

*Впервые опубликовано на русском языке
в Сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса,
1 изд., т. XXVIII, 1940 г.*

*Печатается по рукописи
Перевод с английского*